

1

Конец

Воскресенье, 20 августа 2000, 02:51
Остров Морнезе

Грязную комнату заливают свет маяка Кандальников — словно на миг в нее хлынуло солнце. Но через секунду вновь побеждает тьма, пронизанная лишь слабыми лучами фонарей, почти серыми от удушливой пыли, — кажется, в них копошатся тысячи насекомых.

Здесь, в этой мерзкой норе, я умру.

Так и будет.

Меня терзает один, самый последний вопрос: решатся ли эти люди меня пытаться, перед тем как прикончить, и как далеко они готовы зайти, чтобы заставить меня заговорить? Станут ли они кромсать меня на куски? Будут ли копать в черепушке, надеясь вычленивать нужные воспоминания?

Взломищики памяти.

Все ясно. Несколько минут назад я сложил все части головоломки. Картина прояснилась. Я все вспомнил, но не знаю, выдал себя или сумел скрыть чувства.

Насколько до них это дошло?

Мертвая тишина. Сквозь толстые каменные стены не просочится ни один звук острова Морнезе. Я слышу только трудное дыхание моих палачей. Их четверо. Трое мужчин и одна женщина. Четверо взрослых, которым я, по идее, должен безоговорочно доверять. И доверял.

К большому сожалению.

Дуло пистолета все еще смотрит на меня. Они стоят неподвижно, прислонившись к грязным стенам, и я различаю только их тени. Сколько еще они продержатся, прежде чем набросятся на меня?

Они не хуже моего знают, что по всему острову рыщут десятки полицейских, разыскивают меня, гонятся за ними и сейчас, наверное, уже спустились в подполья и идут по бесконечным ходам, прорытым в недрах острова. Прочесывают каждый метр Морнезе, облава ведется по всем правилам, но у полицейских нет ни малейшего шанса на удачу. Во всяком случае, вряд ли они успеют вовремя. Мои палачи перекрыли все выходы, они давно начали готовиться и все предусмотрели.

На что еще надеяться?

У меня даже бутылки не было, чтобы бросить в море, как делают потерпевшие кораблекрушение, а клочки красной бумаги, оброненные несколько часов назад, бессильны против ветра с Ла-Манша. Но есть несколько дорогих мне людей, те, кому я еще доверяю и кто способен... На что они способны? Разве что догадаться.

А уж о том, чтобы найти...

Снова луч маяка. Мимолетная слепящая вспышка. Трое мучителей с тусклыми лицами обитателей преисподней, никогда не видевших дневного света, уставились на меня без малейшего сочувствия. Только она, стоящая у камина, прячет глаза.

Коротко блеснул осколок стекла, последнее жалкое оружие, лежащее на земле в трех метрах от моих ног.

Я скоро умру.

Они не могут меня пощадить. Теперь я слишком много знаю. Я видел их, разглядел настоящее лицо. Все случилось очень быстро, всего каких-то пять дней назад меня беспокоило совсем другое — сейчас и вспомнить смешно.

Тогда я был обычным подростком.

Одним из многих.

Нелегко бывает восстановить и описать свои мысли и чувства, то, как они менялись в течение нескольких дней, как час за часом, минута за минутой с головокружительной скоростью ускользала логика. И тем более трудно угадать мысли и чувства других участников событий — Симона, Мади, Армана.

Но я попытаюсь.

Четырьмя днями ранее

2

Дембель

Среда, 16 августа 2000, 13:51

Дорога, ведущая к цитадели, остров Морнезе

Покинув паром на острове Морнезе, фургон около километра катил вдоль моря по направлению к пенитенциарному центру Мазарини. Жереми с завистью смотрел на сотни парусников, скользящих по воде Ла-Манша и образовавших почти затор у входа в пролив, который отделял остров от континента. Цепочка маленьких оранжевых «Оптимистов» боролась с затихавшими волнами, поднятыми паромом. Несколько морских байдарок лавировали среди серфингистов.

В середине августа, думал Жереми, канал Морнезе превращается в шоссе, и все же, несмотря на тесноту, ему сейчас очень хотелось оказаться на месте одного из парней в комбинезонах, скользящих на досках со скоростью больше двадцати узлов.

Всего-то два часа осталось, утешил себя Жереми. Через два часа он повесит ключи от тюрьмы Мазарини на гвоздик, форму — на вешалку, а пушку сдаст на оружейный склад. Дембель! Пока-пока, англо-нормандские ост-

рова. Он влезет в эспадрилы и цветастые шорты и возьмет курс на полуостров Жьен, в сторону Иера.

Жиль, сидевший рядом, вел машину осторожно. За тридцать лет работы он совершил несколько тысяч рейсов по маршруту «тюрьма Морнезе — Гранвильский суд» и обратно, выучил наизусть расписание паромов и знал, на сколько метров растягивается очередь на причале.

Жереми обернулся поглядеть, что делается в задней части фургона. Там, лицом друг к другу, сидели двое заключенных в наручниках. Сидели спокойно. Присматривался он главным образом к тому, что был слева. Жонас Новаковски. Тяжелый багаж. Рецидивист, неоднократные вооруженные нападения, стрельба в упор по полицейским при исполнении. Ему еще семь лет отбывать. Опасный клиент. Другой, сидящий напротив, совсем другого разлива. Жан-Луи Валерино был осужден за финансовое правонарушение — личное обогащение за счет государственного контракта. Мелкий служащий с завидующими глазами, хапнувший не по чину. Он должен был выйти на свободу через два месяца, так что вряд ли собирался нарываться.

Фургон катил вдоль ограды кладбища. В этот послеполуденный час дорога, которая вела к тюрьме, была свободна. Время сиесты.

До вечера еще много дел, подумал Жереми. Надо будет пошевеливаться, как только освобожусь. Приладить багажник к «опелю астра», закрепить доску... и детское кресло.

Впервые с ними в отпуск поедет маленькая Леа, которой только что исполнилось полгода.

Жереми поморщился. Ему придется торговаться, снова и снова повторять одно и то же Лидии, когда той надоест торчать Пенелопой на пляже. Нет, доска для него — не развлечение на досуге, не спорт и не хобби.

И даже не страсть. Она его продолжение. Смысл жизни. Насущная необходимость. Как вода, солнце и кислород. Дерьмовую должность тюремного охранника и ночные дежурства он терпел только потому, что у него оставалось время выходить в море, скользить по воде. Так уж вышло, животная потребность.

Полурыба-полуптица.

Лидия к нему прислушивается. Если и не поймет, все равно стерпит, ну, может, подуется немного, а потом забудет.

Фургон резко затормозил, и замечтавшийся Жереми разом опомнился.

— Ты спятил? — завопил Жильдас.

Жереми мигом обернулся посмотреть, что происходит в задней части фургона. Жонас Новаковски, сложившись пополам, бился в конвульсиях, задыхался, на губах пузырилась пена.

Жильдас кое-как припарковался, Жереми вытащил из кобуры свой «зигзауэр» и вылез из кабины. Жильдас последовал за ним.

Жереми с опаской открыл заднюю дверь. Он не доверял Жонасу Новаковски, этот псих вполне способен изобразить припадок, чтобы попытаться сбежать. Жильдас наставил на заключенного оружие. Жереми чувствовал, как поднимается давление, учащается сердечный ритм. Так бывает, когда он на доске набирает больше тридцати пяти узлов, доводя тело до изнеможения.

Жонас Новаковски взвыл от боли. Жереми наклонился над ним. Жильдас в машину не полез, стоял снаружи, держа на прицеле бьющееся в конвульсиях тело. Должно быть, эпилептический припадок. С заключенными такое случалось. Надо только следить, чтобы он не поранился, пока не приедет врач.

— Кинь мне одеяло, — сказал Жереми коллеге. — Оно за сиденьем. Но не расслабляйся и глаз с него не спускай.

Жильдас, в свою очередь, влез в фургон, стараясь не приближаться к Новаковски, который продолжал извиваться от боли, и свободной рукой взялся за коричневый плед.

Мгновение спустя спину Жильдаса взорвал чудовищной силы удар, он рухнул, выронил оружие и, падая, успел увидеть, как Новаковски вскочил и скованными руками сжал запястье правой руки Жереми.

Той, что держала пистолет.

Оба упали на пол фургона и покатались, сцепившись. Жильдас стиснул кулаки. Надо встать. Он должен перевернуться.

Даже если придется ползти — все равно должен.

Надо помочь коллеге. «Зигзауэр» лежал на полу, в двух метрах от него.

Забить о боли, о перебитой спине. Протянуть руку, еще несколько сантиметров...

Тень раздавила ему пальцы, наклонилась, подняла пистолет.

— Стреляй, мать твою! — крикнул Новаковски. — Стреляй, Валерино! Прикончи их!

Жан-Луи Валерино был единственным, кто остался стоять, держа пистолет в скованных наручниках руках.

— Стреляй, придурок! — снова заорал Новаковски.

Арестант пытался удержать Жереми. Четыре руки боролись за второй пистолет. Валерино поочередно целился в охранников, лицо было залито потом.

— Ключ от наручников. Живо. Или я сделаю, как он сказал. Клянусь вам. — Голос его дрожал.

Жильдас не ответил, изо всех сил стараясь не потерять сознание. Жереми продолжал сопротивляться, не отдавал оружие. Новаковски навалился на него всем телом.

— Пристрели его!

Валерино не выстрелил. Его трясло.

— Кретин! — заорал Новаковски и вцепился зубами в запястье Жереми, чуть ли не прокусив насквозь.

Тюремщик разжал руку. Новаковски вскочил, схватил пистолет, попятился, не глядя на Валерино.

Теперь все будет зависеть от него.

— Ключи от наручников! Даю три секунды.

Жереми сжимал запястье, пытаясь остановить кровь.

— Ты на острове! — прохрипел он. — На Морнезе. Пять километров на три. Куда ты денешься?

— Один!

Жереми перевел умоляющий взгляд на Валерино. Этот тип дал втянуть себя в преступление, когда сидеть ему оставалось два месяца. Он потеряет все. Действительно все. Новаковски его прикончит, как только сможет без него обойтись. Как внушить это идиоту? Валерино избегал его взгляда.

— Два.

Тем хуже для него.

— Отсюда до тюрьмы всего километр! — крикнул Жереми. — В ближайšie несколько минут десятки полицейских оцепят здесь все. У вас нет ни малейшего шанса...

— Три!

Жонас Новаковски выстрелил ему в ногу. Пуля пробила правое бедро, Жереми хотел что-то сказать, выругаться, что-нибудь сделать, но боль придавила его к полу.

— Ну ладно, ладно, — дребезжащим голосом откликнулся из глубины фургона Жильдас.

Полицейский протянул два ключа:

— Берите. Но мы еще встретимся.

Перепуганный Валерино рванулся к связке.

— Надо валить, Новаковски. Ты не должен был стрелять. Сейчас все сюда сбегутся.

Жонас Новаковски оставался на удивление спокойным. Побег, видимо, напомнил ему о налетах, о том, как, захлебываясь адреналином, ведешь обратный отсчет до первых сирен, мигалок и бегства с места преступления. Он протянул руки Валерино, чтобы тот его освободил.

Жереми безвольно уронил голову. Он потерял сознание.

Вроде бы.

Но рука его медленно ползла вдоль здоровой ноги. Жильдас заметил это, он знал, что Жереми всегда прячет над щиколоткой кинжал — на случай рукопашной, такое иногда случалось в тюремных коридорах. На что этот идиот рассчитывает, когда против него двое с оружием? Собрался поиграть в героя с ножиком? Лучше отпустить гадов и остаться в живых. Беглецов поймают еще до наступления темноты.

Обе пары наручников упали на пол фургона. Жан-Луи Валерино дернул Жонаса Новаковски за рукав:

— Уходим!

Новаковски попятился, развернулся вполборота, настороженно прислушиваясь.

Пальцы Жереми сомкнулись на кинжале. Если он ранит Новаковски, Валерино ничего не сделает. Он не будет стрелять. Он сдастся. На самом деле Новаковски один. Достаточно всадить лезвие подонку между лопаток, как только он повернется спиной.

Новаковски сделал еще шаг, медленно повернул голову, втянул ноздрями воздух свободы.

Пора!

Несмотря на боль, Жереми рывком выпрямился, его рука рассекла воздух.

Слишком быстро.

Он промахнулся почти на двадцать сантиметров, нож пролетел мимо плеча преступника, со зловецим скрежетом чиркнул по закрытой двери фургона, упал на пол и крутанулся, как стрелка взбесившегося компаса.

— Игра окончена, — пробормотал Новаковски и снова направил на Жереми пистолет.

Полицейский понял, что сейчас умрет, глупо погибнет в двадцать девять лет и больше никогда не увидит Лидию, ей придется одной воспитывать полугодовалую малышку. Леа не запомнит его, он станет для нее незнакомцем с фотографии.

Дуло пистолета слегка опустилось.

Во время перевозок между Морнезе и Гранвилем Жонас Новаковски не раз перехватывал мечтательный взгляд Жереми, устремленный на паруса в океане.

Он выстрелил два раза. Первая девятимиллиметровая пуля пробила левое колено полицейского, вторая — правое. Жереми взвыл от боли, его крик наверняка слышали в цитадели.

Перед тем как потерять сознание, Жереми понял, что ноги больше никогда не будут держать его, как прежде.

Восторга скольжения по волне ему больше не испытать.

Не быть ни рыбой, ни птицей.

Он навсегда останется моллюском.